

Алексей Вдовин, Мария Вербицкая

«В ожидании лучшего» Н.Д. Хвощинской и романы Ф.М. Достоевского первой половины 1860-х годов:

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ДИАЛОГ¹

Alexey Vdovin, Mariya Verbitskaya

Nadezhda Khvoshchinskaya's «Waiting for the Best» and Fyodor Dostoevsky's Novels of the early 1860s: Unnoticed Dialogue

Алексей Вдовин

НИУ ВШЭ, Школа филологических наук,
профессор; доктор филологических наук
avdovin@hse.ru.

Мария Вербицкая

НИУ ВШЭ, Школа филологических наук,
стажер-исследователь
masha-verbickay@mail.ru.

Ключевые слова: Н.Д. Хвощинская, Ф.М. Достоевский, адюльтерный роман, «В ожидании лучшего», «Униженные и оскорбленные», «Игрок»

УДК: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_203

В статье рассматривается влияние романа Н.Д. Хвощинской «В ожидании лучшего» (1860) на творчество Ф.М. Достоевского 1860-х годов, в частности на романы «Униженные и оскорбленные» и «Игрок». Трактую «В ожидании лучшего» как вариацию адюльтерного романа (и отчасти романа карьеры), авторы показывают, что он стал заметным событием для истории русского романа начала 1860-х годов и пересекался с некоторыми важными для творчества Достоевского мотивами. Если в «Униженных и оскорбленных» параллель с текстом писательницы едва намечена, в случае с романом «Игрок» (1866) прослеживается очевидное сходство сюжетных ходов и центральных женских персонажей (Полины и бабушки). В статье на текстуальном материале доказывается, что Достоевский обратился к сюжету об ожидании наследства от богатой бабушки, скорее всего, под влиянием романа Хвощинской.

Alexey Vdovin

National Research University Higher School of Economics (Moscow), School of Philological Sciences, professor; PhD, doctor hab.
avdovin@hse.ru.

Maria Verbitskaya

National Research University Higher School of Economics (Moscow), School of Philological Sciences, research assistant
masha-verbickay@mail.ru.

Keywords: Nadezhda Khvoshchinskaya, Fyodor Dostoevsky, adultery novel, «Waiting for the Better», «The Insulted and Humiliated», «The Gambler»

UDC: 821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_203

The article examines the influence of Nadezhda Khvoshchinskaya's novel «Waiting for the Best» (1860) on Fyodor M. Dostoevsky's works of the 1860s, in particular on the novels «The Insulted and Humiliated» and «The Gambler». Treating «Waiting for the Best» as a variation of the adultery novel (and partly the novel of career), the authors show that it became a notable event in the history of the Russian novel of the early 1860s and intersected with some motifs important to Dostoevsky's work. Whereas in «The Insulted and Humiliated» the parallel with Khvoshchinskaya's text is barely hinted at, «The Gambler» (1866) reveals an obvious similarity of plot lines and central female characters (Polina and the grandmother). The article uses textual material to argue that Dostoevsky turned to the plot of waiting for an inheritance from a rich grandmother most likely under the influence of Khvoshchinskaya's novel.

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году. Авторы приносят искреннюю благодарность Е.Н. Строгановой и двум анонимным рецензентам за ценные советы и комментарии, позволившие уточнить некоторые формулировки и наблюдения.

Надежда Дмитриевна Хвоцинская (1821–1889) занимает неоднозначное место в литературном пантеоне XIX века. С одной стороны, она принадлежит к числу незаслуженно забытых писательниц, чье творчество долгое время не привлекало внимания исследователей. С другой стороны, нельзя не отметить, что, по сравнению с другими авторами-женщинами эпохи (Е.А. Ган, А.Я. Панаевой и др.), произведения писательницы пользовались большей читательской популярностью, высоко котиrowались у критиков², а ее гонорары находились на уровне заработков И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и И.А. Гончарова³. С.С. Дудышкин уже в 1850-е годы отмечал, что Хвоцинской присуща «художественная сила объективного воссоздания действительности»⁴, а некоторые ее персонажи предвосхищают характеры из произведений писателей первого ряда. Так, к примеру, в героине «Фраз» Хвоцинской тот же критик видел предтечу образа Ольги Ильинской из «Обломова».

Несмотря на возрастающий поток работ о Хвоцинской, многие ее этапные романы до сих пор остаются практически не исследованными⁵. Между тем они представляют большой интерес для понимания творческой эволюции не только самой писательницы, но и ее выдающихся современников. В центре нашей статьи окажется роман «В ожидании лучшего» («Русский вестник», 1860, далее *ВОЛ*) и потенциальный диалог с ним в творчестве Ф.М. Достоевского 1860-х годов⁶.

-
- 2 См. об этом: *Строганова Е.Н.* Портрет писательницы в некрологе: отклики на смерть Н.Д. Хвоцинской // *Строганова Е.Н.* Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. С. 63, 67 (критики призывали писательницу хотя и «менее талантливой, чем корифей-мужчины, но самой талантливой — “корифейкой” — среди женщин»).
  - 3 *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 93–94.
  - 4 Цит. по: *Строганова Е.Н.* Указ. соч. С. 65.
  - 5 О других текстах этого периода («Фразы», «Пансионерка» и «Встреча») см.: *Розенхольм А.* «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвоцинской // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* 4 / Под ред. Р. Лейбова. Тарту: University of Tartu Press, 1995. С. 143–166; *Noogenboom H.* «Я раб действительности»: *Nadezhda Khvoshchinskaja, Realism, and the Detail* // *Vieldeutiges Nicht-zu-ende-sprechen: Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen* / Hg. von A. Rosenholm and F.K. Göpfert. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2002. P. 129–147 (рус. перевод см. в наст. номере); *Погребная В.Л.* Проблемы женской эмансипации в романе Н.Д. Хвоцинской «Встреча» // *Культура народов Причерноморья*. 2005. № 69. С. 57–60; *Пономарева А.А.* Возможный прототип эмансипированной героини в литературе середины XIX века (роман Н.Д. Хвоцинской «Встреча») // *Текст и контекст: литературно-культурные связи*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2021. С. 172–185. См. также статью К.Ю. Зубкова о «Пансионерке» в настоящем блоке.
  - 6 Анализ романа в современной и этапной монографии о Хвоцинской и Тур, к сожалению, занимает всего две страницы и не выходит за пределы того, что говорила о нем прижизненная критика (см.: *Gheith J.* Finding the Middle Ground: Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women’s Prose. Evanston: Northwestern University Press, 2004. P. 183–184). Более продуктивен подход В.Л. Погребной, которая предложила интересную типологию образов эмансипированных женщин в романах Хвоцинской, включая *ВОЛ* (*Погребная В.Л.* Мир русского женского романа (1860–1880 гг.). Запорожье: Запорожский национальный университет, 2006. С. 152–155).

ВОЛ воспринимался современниками отнюдь не как проходной текст⁷. Хотя на роман Хвоцинской откликнулись далеко не все толстые журналы и газеты, отзывы «Русского слова», «Светоча», «Времени», «Русской речи» и «Московского вестника» были в целом комплиментарны. Так, Евгения Тур ставила *ВОЛ* в один ряд с «Ярмаркой тщеславия» У. Теккерея по силе сатирического изображения высшего света и сокрушалась, что крупный талант и замечательные произведения Хвоцинской не получают достойного внимания в критике⁸. В том же духе, хотя и более взыскательно, высказывался А.П. Милюков в статье «Мертвые души большого света». Возводя *ВОЛ* к гоголевскому направлению, критик «Светоча» отмечал, что новизна в изображении «большого света» и «тонкое иронически-спокойное обращение к своему сюжету дают роману Крестовского несравненно больше значения, чем “Обломову” или “Накануне”»⁹.

Внимание к роману повлекло за собой обсуждение потенциальных переводов на иностранные языки. В письме к О.А. Новиковой от 12 марта 1861 года Хвоцинская рассказывала, что ее подруга А. Маркелова просила разрешение для подготовки французского издания, а другая — немецкого. В 1864 году фельетонист С.П. Колошин просил предположительно А.Н. Островского дать ему адрес Хвоцинской, чтобы получить разрешение на французский перевод¹⁰. Увы, ни об одном из этих переводов до сих пор ничего не известно.

Показательно, что *ВОЛ* еще при жизни Хвоцинской был дважды выпущен отдельным изданием (в 1860 и в 1880 годах), а затем вошел в два собрания ее сочинений — 1892 и 1913 годов. Можно предполагать, что высокая оценка *ВОЛ* вкуче с переизданиями обусловила хвалебное упоминание романа в учебном пособии К.П. Петрова «Курс истории русской литературы» (1871). Он отмечал

-
- 7 Так, например, И.П. Борисов рекомендовал Тургеневу роман: «...действительно хорошая вещь — из московского же общества, все лица живые, и правда даже дагерротипная и поэтому не разогревающая слишком, холодная, как реляция о действиях наших войск в Адагумском отряде» (Письма И.П. Борисова к И.С. Тургеневу / Публ. Е.М. Хмелевской // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. 3. Л.: Наука, 1967. С. 338–339).
  - 8 Тур Е. По поводу романа В. Крестовского. «В ожидании лучшего», роман В. Крестовского в 2 частях. М., 1860 // Русская речь. 1861. № 12. 9 февраля. С. 181.
  - 9 Милюков А.П. Отголоски на литературные и общественные явления. СПб.: Типография Ф.С. Сушинского, 1875. С. 81. (Впервые: Светоч. 1861. № 2.) Сохранилось неопубликованное письмо Хвоцинской Милюкову от 25 февраля 1861 года с благодарностью за его статью: «Вчера г. Захаров доставил мне ваше письмо и статью о моем романе. Меня обрадовала ваша добрая память, на которую, так давно не имея удовольствия встречаться с вами, я не смела рассчитывать; радуюсь даже за свой роман, если он вам меня напомнил. Ваша оценка так внимательна и серьезна, что в ней самое указание недостатков вызывает благодарность и обязывает. Мне бы непременно хотелось доказать вам это моим участием в “Светоче”; впрочем у меня много обещаний работы, и потому, чтобы не давать обещания, которое, может быть, не удастся выполнить, — я не даю его, но говорю только: постараюсь найти время, чтобы исполнить ваше желание, которое есть и мое собственное» (Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). № 10.323. Л. 1–1 об; приносим благодарность Хильде Хогенбом за предоставленный текст письма).
  - 10 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 850. Л. 95 об. (приносим благодарность Хильде Хогенбом за предоставленный текст письма); Колошин С.П. Письмо к Александру Николаевичу Островскому: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 178.1. № 8566.44 (URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009456847?page=1&rotate=0&theme=white>).

талант Хвоцинской «рисовать женские характеры»¹¹ на примере *ВОЛ*, а созданные в нем образы, как и Милуков, сопоставлял с персонажами Гоголя, Грибоедова и Тургенева (управляющий имением Неряцкий в обоих случаях сравнен с Чацким, Костанжогло и Инсаровым)¹². В 1891 году драматург (и брат известного художника) И.Н. Ге переработал роман в комедию «Осколки мнущего»¹³, которая стала одной из его самых популярных пьес¹⁴.

Поскольку роман пока мало известен, акцентируем его наиболее важные (в перспективе дальнейшего анализа) сюжетные особенности. На протяжении всего действия два внука княгини Десятовой¹⁵ — граф Вася Тяженецкий и Иван («Жан») Десятый — соперничают за право наследовать ее родовое имение, мечта о скорой смерти бабушки. На фоне борьбы за ее деньги разворачивается главная интрига — любовная: крестница княгини Катерина Александровна Алексинская изменяет мужу с Жаном, который, в свою очередь, увлекается выпускницей пансиона Полиной (Павлой) Абаровской, дочерью княгининой приживалки. Полина старается выбиться из нищеты с помощью выгодного брака по расчету. Княгиня, узнав о связи Жана одновременно с Полиной и Алексинской, отказывает ему в наследстве, а муж Катерины Александровны, которому сама героиня в страхе во всем сознается, кончает жизнь самоубийством. В финале Жан бросает и Алексинскую, и Полину¹⁶.

Избрав для статьи лишь два из возможных аспектов изучения романа, мы рассмотрим жанр *ВОЛ* в контексте литературы рубежа 1850–60-х годов, а затем проанализируем творческий диалог Ф.М. Достоевского с Хвоцинской на материале «Униженных и оскорбленных» и «Игрока», в которых, как мы постараемся показать, отчетливо звучат тематические и сюжетные переклички с *ВОЛ*.

Адюльтерный роман и женская амбиция

Роман Хвоцинской появился в 1860 году на фоне интенсивного обсуждения «женского вопроса». Публицистика Н.И. Пирогова, М.Л. Михайлова, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, а также канонические романы Тургенева и

-
- 11 Петров К.П. Курс истории русской литературы. СПб.: Типография морского министерства, 1871. С. 317.
  - 12 Там же. С. 318.
  - 13 Из подзаголовка пьесы следует, что Ге ошибочно принимает Крестовского-псевдонима за писателя Всеволода Крестовского.
  - 14 Тиме Г.А. Ге Иван Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 534.
  - 15 Княгиня Десятова уже была «внесценическим» персонажем (то есть лишь упоминаемым в речи основных героев) более раннего романа Хвоцинской «Последнее действие комедии» (1856), где она фигурирует в разговорах Андрея Валерьяновича Оршевского как 80-летняя вздорная, но богатая старуха, которая финансирует богдельню (Отечественные записки. 1856. Т. 104. Отд. I. С. 229, 243–244). Как представляется, прием кочующего из романа в роман персонажа заимствован Хвоцинской у Бальзака. А. Тыминский указывает на ряд сквозных персонажей, но без княгини Десятовой и влияния автора «Человеческой комедии» (Тыминский А.И. Поэтика прозы Н.Д. Хвоцинской: дис. ... кандидата филол. наук. М.: Московский педагогический университет, 1997. С. 176).
  - 16 Мы опускаем здесь пересказ линии Неряцкого — управляющего имением Алексинских, т.к. они не важны для нашей концепции.

Гончарова и находящиеся в их тени романы А.Я. Панаевой и самой Хвоцинской 1850-х годов предлагали публике разные пути обсуждения женской эмансипации. В первых номерах «Русского вестника» за 1860 год, то есть незадолго до *ВОЛ*¹⁷, вышел роман «Накануне», в котором одними из первых явились и образец «нового человека» (Инсаров), и новый женский идеал (Елена Стахова). Чтение «Накануне» произвело большое впечатление на Хвоцинскую. В письме к О.А. Новиковой от 17 июня 1860 года она признавалась, что благодаря тургеневскому роману осознала недостатки собственного метода:

Знаете ли, что толки о «Накануне» сводят меня с ума и вместе с статьями Белинского доводят до таких сомнений, что всех и не перескажешь? Кратко: я убеждаюсь, что во всем, написанном мною доньше (исключая «Встречу», и вот почему я еще прилепляюсь к ней) — что во всем, написанном мною доньше, я шла уже [и] не кривым путем, а вовсе без пути; что я сочиняла ходячие сентенции вместо людей, что у меня, как в дурном шитье, везде видны живые нитки...¹⁸

Однако скрупулезная датировка в рукописи всех этапов работы Хвоцинской над *ВОЛ* свидетельствует о том, что почти весь роман, изначально озаглавленный «Печали и сокрушения»¹⁹, начерно был написан до прочтения «Накануне»: начат в Петербурге 11 января 1857 года и закончен в Рязани 8 июля 1860 года²⁰. Наиболее интенсивно работа над текстом протекала в феврале-июне: в письме О.А. Новиковой от 3 июля 1860 года Хвоцинская сообщает, что «кончила свой роман Каткову и кусочек его уже отослала: надо списывать»²¹.

Как отмечает Х. Хогенбом, конец 1850-х — начало 1860-х для Хвоцинской — время творческого кризиса и поиска нового баланса между реалистическим и идеализированным модусами изображения действительности²². При этом писательница пыталась бороться с идеализацией, традиционно признаваемой характерной особенностью женского творчества. Такой императив определяет ключевые образы *ВОЛ*, где писательница изображает героинь предельно эгоистичными и корыстными, создавая женские «антиидеалы»²³. Сама Хвоцинская оставила авторский комментарий к такому замыслу (в письме Новиковой от 3 июля 1860 года):

---

17 «Русский вестник» смог привлечь ранее сотрудничавшую в «Пантеоне» и «Отечественных записках» Хвоцинскую на свои страницы, подняв ей гонорарную ставку до 100 рублей за лист (См.: «Я живу от почты и до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвоцинской / Сост. и публ. А. Розенхольм и Х. Хогенбом. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2001. С. 20–21, 41). В итоге Хвоцинская получила за роман от Каткова 1875 рублей, а вместе с гонораром за отдельное издание у В.И. Рышкова — 2487 рублей (подсчеты Хвоцинской в конце рукописи романа: РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 97).

18 «Я живу от почты и до почты...». С. 110.

19 Новое название появилось в самом конце работы — в июле 1860 года (Там же. С. 112).

20 РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2, 96 об.

21 «Я живу от почты до почты...». С. 112. Следует заметить, что Хвоцинская педантично фиксировала даты работы над каждым фрагментом рукописи своих произведений, ставя на полях страницы метки типа «28/XI», из которых видно, что 2 часть романа начата 25 февраля и закончена 8 июля 1860 г. (РГАЛИ. Ф. 541. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 43).

22 Hoogenboom H. «Я раб действительности»: Nadezhda Khvoshchinskaia, Realism, and the Detail. P. 134–135. (Русский перевод статьи в настоящем номере журнала.)

23 Пономарева А.А. Возможный прототип эмансипированной героини в литературе середины XIX века (роман Н.Д. Хвоцинской «Встреча»). С. 174.

Мне вздумалось назвать роман «В ожидании лучшего», и люди в нем все дурные, женщины, конечно, в особенности. Это они — [en attendant], что им дадут разные права. Кстати, скажите мне, как, по-вашему, статья Михайлова о женщин[е] в *Современнике*? Я не стою за нее и за наши права, признаюсь вам откровенно. Я мало знаю, не образована, а потому и не смею возражать, но мне кажется, простой здравый смысл может много возразить на эти фразы. Учить нас наравне с мальчиками, согласна — давайте. Но не предвидится ли после этого миллион неудавшихся синих чулков, которые «во имя науки» станут ничего не делать? Что ж все обвинять тех, кто отнял право, со времен до-библейских! Оглашенные мы — что мы делаем даже из того, что нам предоставлено? Все, говорят, мы стеснены!! Не правда: исключения, в старину, — но в большинстве, ни один муж, от пастуха до царя, не желает, чтобы его дети были запущены, брошены, глупо воспитаны; а мало ли супруг, начиная от супруги пастуха, до царской, при полной свободе и уважении мужа, пользуются своим правом и властью?²⁴

Симптоматично, что объяснение концепции романа почти бесповотно стыкуется в сознании Хвоцинской с женским вопросом и статьями о нем Михайлова, дополнительно подчеркивая сфокусированность *ВОЛ* на проблемах брака, прав и свобод женщин в российском обществе. Для их обсуждения Хвоцинская избрала жанр адультерного романа — один из самых популярных в европейских и русской литературах того времени и позволявших ставить острейшие социальные и моральные вопросы²⁵. В конце 1850-х годов только среди самых известных авторов к нему обращались А.Ф. Писемский в «Боярщине» (1858), Тургенев в «Дворянском гнезде» (1859) и М.В. Авдеев в «Подводном камне» (1860). Любовная интрига *ВОЛ* построена вокруг ситуации супружеской измены Алексинской с Жаном. Параллельно Полина Абарова ставит себе целью отбить князя у Алексинской. Хитросплетение любовных связей между персонажами (Жан — Алексинская, Жан — Полина, Алексинская — Алексинский, Алексинская — Неряцкий) приводит читателя к мысли, что в произведении препарируется не столько сам патриархатный институт брака, сколько его светская специфика и разветвленная инфраструктура в рамках высшего столичного (в романе — московского) общества. В центре внимания оказывается не фигура и психология обманутого мужа, как в «Жаке» Санд или у Тургенева (Лаврецкий), а фигуры именно женские — с их разными, но одинаково сложными и трагичными траекториями. Судя по всему, для их более рельефной прорисовки Хвоцинская, рискуя разрушить единство сюжетных линий, удваивает число протагонисток: если в первой части максимум повествовательного пространство занимает фигура Полины, то во второй с ней соперничает уже Алексинская. Они — двойники, их судьбы зазеркалены. Полина воплощает в романе тип бедной пансионерки, которая любыми, даже самыми низкими, средствами пытается войти в приличное общество через богатого любовника. В финале, пройдя через цепочку унижений, падений и компромиссов с собст-

24 «Я живу от почты до почты...». С. 112.

25 См.: *Overton B. Fictions of Female Adultery, 1684–1890. Theories and Circumtexts*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002; *Плашинова А.В.* «Жалкие заблуждения женщин»: эмансипационные сюжеты в русских адультерных повестях 1830–50-х годов // Новое литературное обозрение. 2023. № 181 (3). С. 245–257. Предложение А.И. Тьминского считать *ВОЛ* нравоописательным романом и романом-памфлетом представляется нам необоснованным (*Тьминский А.И.* Указ. соч. С. 178, 188).

венной совестью, она добивается положения, в котором мы застаем в начале романа Алексинскую²⁶. Последняя — символ пустоты высшего света, дефицита эмпатии и человечности между членами одной семьи, извращенного светского воспитания. Из-за ее недалекости и бездушности стреляется ее муж, а влюбленный в нее управляющий ее имением Неряцкий (к слову, единственный положительный герой романа) уезжает колесить по России и Америке. Можно сказать, что Алексинская — это следующая стадия деградации Полины.

Однако было бы опрометчиво утверждать, что *ВОЛ* написан лишь ради критики высшего общества, которое Хвоцинская имела возможность наблюдать в юности, когда больше года жила в семье богатого дяди А.П. Хвоцинского²⁷, а затем навещала состоятельных родственников в Петербурге. Не менее важную роль играют в романе мотивы бедности, усугубляющей гендерное неравенство и толкающей героиню на самые низкие поступки. Среди этих героинь и две униженные приживалки старой княгини, — мать Полины Анна Федоровна и Аделаида Григорьевна, готовые на все ради внимания старой благодетельницы, — и несчастная, но гордая Полина, мечтающая вырваться из нищеты, кокетничая сначала со стариком Пехлецовым, а затем с князем.

Именно коварный план амбициозной Полины влюбить в себя князя Ивана служит завязкой романной интриги. Через сеть интроспекций нарратор исследует феномен женской амбиции. Не занимая высокого положения в обществе (Полина — дочь бедной дворянки Абаровской, выданной «благодетелями» за мелкого спившегося чиновника, ниже ее по положению и уровню образования), героиня с самого начала вынуждена испытывать крайнюю нищету и зависеть от вышестоящих. Свое бедственное положение она воспринимает как несправедливость: в отличие от своей матери Полина не готова унижаться перед покровителями, но и зарабатывать на жизнь честным трудом она не согласна. Предлагаемое графом Сеницким место гувернантки Полина отвергает, считая это поприще недостойным себя: «...будет меня третировать как горничную... горничные будут меня звать мамзелью»²⁸. Обостренное чувство гордости, однако, не мешает героине-эгоистке воспринимать как должное старания ее матери, которая вынуждена просить благодетелей даже о самом малом. Более того, иногда Полина относится к заботе матери с явной неблагодарностью: «Отец унес последнюю юбку, мать... — Мать что? — прервала Анна Фёдоровна, — неблагодарная!»²⁹

Предельный эгоизм в героине сочетается со свойственным эпохе 60-х «новым рационализмом» — приоритетом материальных, утилитарных устремлений³⁰. Характеризуя Полину, Н.В. Шелгунов отмечал, что мечты девушки

---

26 В.Л. Погребная трактует образы героинь иначе: Полина — тип «хищнический», а Алексинская — слабый (см.: *Погребная В.Л.* Мир русского женского романа (1860–1880 гг.). С. 154).

27 *Хвоцинская П.Д.* Надежда Дмитриевна Хвоцинская. Биографический очерк // Крестовский-псевдоним. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1892. С. IV. Е.Н. Строганова предполагает, что это происходило в 1836 году (*Строганова Е.Н.* Неопубликованные стихотворения Н.Д. Хвоцинской из альбома семьи Алябьевых // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 327).

28 *Крестовский В.* В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. № 14. С. 346.

29 Там же. С. 342.

30 *Rosenholm A.* The «Woman Question» of the 1860s and the Ambiguity of the «Learned Woman» // Gender and Russian Literature. New Perspectives / Ed. by Rosalind Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 116.

о «графе» сводятся к желанию обладать всей той роскошью, которая есть у других³¹. Подобная склонность к корысти, по мысли критика, огрубляет и портит женщину³². На глазах читателя происходит социально и психологически мотивированный переворот в сознании Полины: вчерашняя наивная пансионерка, она делает горький выбор, отказываясь от возвышенных мечтаний о замужестве. Брак для нее отныне представляется лишь способом вырваться из бедности («если бы кто-нибудь вырвал меня из этого!»³³), бросив вызов ненавистному ей московскому обществу:

«Что, если бы доказать всему свету... продолжала она раздумывать: но что? Выйти за него замуж? Не женится!.. А так, не дать ему ни на ком жениться!..»

Полина не разбирала себя, но с вчерашнего дня она очень переменялась. Неожиданное открытие того, что было для всех тайной, натолкнуло ее на мысль, что не все же узнается в свете: так почему же и ей не иметь тайны? Вчера, как-то особенно стал ей противен этот «свет» за его гордость и унижительную ласку. Молодая аристократка, которая стала льстить и выказывать непрощеное участие бедной, презираемой девушке, потому что во власти этой девушки была ее тайна, ее доброе имя, эта женщина внушала не сострадание, а насмешку. А эта женщина — еще лучшая из своего кружка...

Полина, впрочем, так долго и сильно не думала. Она со вчерашнего дня почувствовала только сильнейшее желание жить и веселиться, а заодно с этим и отплатить целому свету...³⁴

В этой развернутой несобственно-прямой мысли³⁵ героини проступает характерная для бальзаковских протагонистов-мужчин и теккереевской Бекки Шарп амбиция³⁶. Решаясь на интригу с князем, Полина надеется не только на устройство собственной судьбы, но и на разрушение чужого счастья.

Наряду с тонкой прорисовкой психологических вывертов центральной героини роман портретирует и других персонажей, охваченных тщеславием (старая княгиня, восседающая на кресле «этаблимане»; Жан и Вася, добывающиеся наследства) и уязвленной гордостью (Аделаида Григорьевна и Анна Федоровна). Таким образом, для *ВОЛ* в полной мере характерны те черты реалистического письма, которые Х. Хогенбом справедливо считает признаками зрелого стиля Хвоцинской, достигнутого на рубеже 1850–60-х годов и ознаменовавшего собой новый период ее творчества.

---

31 Шелгунов Н. Женское бездушие. По поводу сочинений В. Крестовского-псевдонима // Дело. 1870. № 9. С. 21.

32 Там же. С. 18.

33 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 16. Кн. 2. С. 695.

34 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 15. Кн. 1. С. 410.

35 Здесь мы принципиально разграничиваем несобственно-прямую речь и мысль как разные нарративные формы передачи языка и слова героев о себе. См. *Fludernik M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness*. London; New York: Routledge, 1993.

36 Еще Евгения Тур пронцательно указала на сходство сюжетов и характеров главной героини в «Ярмарке тщеславия» и «В ожидании лучшего» (*Тур Е. По поводу романа В. Крестовского*. С. 181).

Достоевский и Хвоцинская в начале 1860-х годов

«Время» Достоевских откликнулось на роман Хвоцинской в неподписанной статье предположительно Ф.М. Достоевского³⁷ «Гаваньские чиновники в домашнем быту... Ивана Генслера»:

- Читали вы «В ожидании лучшего» В. Крестовского?
- Читал.
- Ну, что?
- Прекрасно. Замечательное произведение.

А между тем об этом замечательном явлении никто еще из наших больших журналов не сказал ни одного слова. А роман В. Крестовского есть явление, которое не прошло бы незамеченным ни в одной литературе, а в нашей, если взять в соображение нашу относительную бедность, такие романы должны бы производить огромное впечатление³⁸.

Примечательно, что в качестве одной из причин молчания толстых журналов автор статьи называет изолированность писательницы от столичных литературных кружков. К тому времени Достоевский уже знал об истинном авторстве Хвоцинской. Их знакомство состоялось в Петербурге в самом конце октября 1860 года³⁹: Достоевский тогда интенсивно налаживал литературно-журнальную жизнь, а Хвоцинская провела в столице около двух осенних месяцев, в том числе встречаясь с литераторами (Краевским, Дудышкиным, Щербиной, Полонским, Михайловым, Зотовым). Возможно, связующим звеном между ей и Достоевским выступил Полонский. Весьма вероятно, что разговор касался литературных дел: Достоевский мог припомнить, как в ссылке, после острога, читал в «Отечественных записках» раннюю прозу Хвоцинской («Крестовский тоже нравится», — писал он брату 30 января — 22 февраля

-
- 37 В 30-томном Полном собрании сочинений статья отнесена в раздел *dubia*. Согласно лингвостилистической экспертизе Г. Хетсо, подтвержденной недавно экспериментом с нейросетью «Трансформер», автором статьи, вопреки многолетним сомнениям исследователей, является Ф.М. Достоевский (см.: *Рогов А.А., Абрамов Р.В., Д.Д. Бучева Д.Д. и др.* Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». Петрозаводск: Издательство «Острова», 2021. С. 69, 275). Даже если впоследствии будет предложена иная атрибуция, вероятность редакционного участия Достоевского в написании этой статьи остается высокой.
- 38 Гаваньские чиновники в домашнем быту, или галерная гавань во всякое время дня и года. (Пейзаж и жанр) Ивана Генслера. Библиотека для чтения. Ноябрь и декабрь 1860 // *Время*. 1861. № 2. Отд. II. С. 148–149.
- 39 В письме Н.Ф. Щербине от 20 ноября 1860 года Хвоцинская пишет о дате отъезда из Петербурга — 30 октября 1860 года («Я живу от почты до почты». С. 23–24). В письме Я.П. Полонскому от 22 сентября 1861 года Хвоцинская сообщила: «За день до своего отъезда прошлой осенью из Петербурга я познакомилась с Федором Михайловичем, напомните ему обо мне» (цит. по: *Строганова Е.Н.* Ф.М. Достоевский и Н.Д. Хвоцинская // Ф.М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25–29 августа 2009 г. / Сост. В.А. Викторovich. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 153). Вслед за Е.Н. Строгановой мы полагаем, что встреча состоялась 28–29 октября 1860 года. Этот факт в будущем может быть учтен при дополнении Летописи жизни и творчества Ф.М. Достоевского.

1854 года⁴⁰), он мог сообщить о замысле издавать «Время», пригласив ее к сотрудничеству⁴¹, а Хвоцинская могла рассказать о том, что в «Русском вестнике» печатается ее последний роман *ВОЛ*.

Достоевский вполне мог прочесть его либо тогда же, либо позднее: начиная с 1856 года он был читателем «Русского вестника», как известно, планировал публиковать в нем «Село Степанчиково...», а начиная с 1861 года для ведения полемики с журналом Каткова не только пристально следил за его новыми номерами, но и постоянно апеллировал к статьям прежних лет⁴².

Еще в 1984 году в комментарии к упомянутой анонимной статье «Времени» В.А. Туниманов гипотетически высказался о потенциальном знакомстве Достоевского с романом *ВОЛ* и интересе к сатирическому изображению в нем светских нравов⁴³, однако с тех пор, за исключением статьи Е.Н. Строгановой, в достоевистике не появилось ни одного исследования возможного диалога Достоевского с Хвоцинской⁴⁴. Причины в таких случаях всегда одни и те же: центрированность русского литературного канона на писателях-мужчинах и маргинализация женского творчества, которое *a priori* вряд ли могло оказать какое-либо влияние на первых⁴⁵. Мы далеки от интенции радикально и бездумно переписывать всю историю русской литературы и во что бы то ни стало перекраивать канон, однако случай Хвоцинской — тот не частый, но знаковый пример, когда произведения женщины читались и ценились при жизни. Более того, по нашему мнению, правомерно говорить о многочисленных, но еще слабо исследованных интертекстуальных влияниях и жанрово-типологических параллелях между прозой Хвоцинской и каноническими произведениями середины XIX столетия. Именно так обстоит дело с романом *ВОЛ*, который был заметным литературным явлением начала 1860-х годов — периода интенсивного развития социально-психологического романа — и, как мы полагаем, мог подсказать Достоевскому некоторые образы и сюжетные ситуации в «Униженных и оскорбленных» и «Игроке».

40 Имеется в виду псевдоним Хвоцинской: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. С. 174. См. подробнее: *Строганова Е.Н.* Ф.М. Достоевский и Н.Д. Хвоцинская. С. 152.

41 В 1861 году М.М. Достоевский через Я.П. Полонского пригласил писательницу дать что-нибудь в журнал, однако она отказалась, поскольку на тот момент, по ее словам, не имела текстов для печати (Там же. С. 153).

42 В составе реконструированной библиотеки Достоевского «Русский вестник» за этот период не упоминается (Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005), однако комментаторы статей Достоевского 1861–1863 годов выявили большой пласт статей катковского журнала за 1856–1863 годы, на которые писатель регулярно откликался.

43 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. С. 411.

44 В «Летописи жизни и творчества» писателя упоминания Хвоцинской почти не отражены.

45 См. подробнее: *Хогенбом Х.* Переопределяя смысл жизни: история русской литературы XIX века и женщины-писательницы // Новое литературное обозрение. 2024. № 186. С. 61–71.

«Униженные и оскорбленные», «Игрок» и *ВОЛ*

Уже первым рецензентам казалось, что некоторые персонажи «Униженных и оскорбленных» похожи на героев *ВОЛ*. Так, в рецензии на роман Достоевского Евгения Тур писала: «...князь Иван напоминает разряд лиц, так великолепно парадирующих перед читателем в превосходном романе Крестовского “В ожидании лучшего”»⁴⁶. Если рассматривать наблюдение Тур как сопоставление Жана Десятова Хвоцинской и главного героя романа Достоевского Ивана Петровича, обнаруживается противоречие. Рассказчика «Униженных и оскорбленных» действительно зовут Иван, однако он — бедный литератор и князем нигде не назван. Вместе с тем в произведении есть и князь: Петр Валковский — персонаж, гораздо более сходный с Жаном из *ВОЛ*. Тур, по-видимому, просто ошиблась, спутав Ивана и князя Петра, однако направление ее мысли было верным.

Хотя предварительные наброски сюжета романа были сделаны Достоевским еще весной 1860 года, основная работа над рукописью выпала на конец года и первое полугодие 1861-го⁴⁷. Отсюда следует, что «Униженные и оскорбленные» могут находиться в зоне прямого воздействия *ВОЛ*. Сюжеты обоих романов строятся вокруг остросоциальной коллизии мезальянса, обнажая неприглядные стороны института брака. Образ алчного князя Петра Валковского, мечтающего женить Алешу на падчерице богатой графини, перекликается с образом развратного князя Ивана у Хвоцинской, который стремится во что бы то ни стало завладеть наследством бабушки, а попутно заводит несколько интриг. В одном из последних разговоров с Полиной Десятов заявляет, что жениться он может, только если будет нуждаться. Валковский у Достоевского в молодости также «женился на деньгах»⁴⁸, чтобы спастись от разорения, а затем решил использовать для этого и сына: окончательный разрыв между Наташей и Алешей происходит именно тогда, когда графиня и Катерина Федоровна отправляются в ее имение в Симбирской губернии и Алеша едет с ними в качестве будущего мужа. Как и Жан, Валковский предлагает Наташе деньги в качестве компенсации за ее сломанную жизнь, которые она (в отличие от Полины) отвергает. Обе героини оказываются оскорблены: Полина ославлена в обществе княгини Десятовой и изгнана из него, а Наташа лишена надежды выйти замуж и, возможно, быть снова принятой в родительском доме.

Невозможно утверждать, что описанная сюжетная параллель является бесспорным свидетельством влияния *ВОЛ* на «Униженных и оскорбленных». Речь идет скорее о частной перекличке, которая может быть учтена в будущих комментариях к роману как возможная параллель⁴⁹. Между тем другой роман Дос-

---

46 Цит. по: *Строганова Е.Н.* Ф.М. Достоевский и Н.Д. Хвоцинская. С. 152.

47 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. СПб.: Наука, 2014. С. 616–618.

48 Там же. С. 202.

49 Сохранилась скорее негативная реакция Хвоцинской на «Униженных и оскорбленных» в письме к О.А. Новиковой от 27 июля 1861 года: «Вы давно спрашивали меня о романе Достоевского “Униженные”, я все жду его конца. Но еще раньше конца, скажу вам, что он давно перестал мне нравиться. Ложно в основании и взбито до мелодрамы, — а, право, в жизни человеческой довольно драмы и без мелодрамы; стоит только посмотреть поближе, попристальнее, — а это обязанность литераторов, как Достоевский. Ему ли хватать эффекты да блестячки? Мало он вынес в жизни, что ли, чтобы брать из нее только ее дикости?» (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 850. Л. 102 об.–103).

товеского «Игрок», задуманный также в первой половине 1860-х годов, по нашему мнению, содержит уже гораздо более обширные сюжетные пересечения с *ВОЛ*, позволяющие говорить о непосредственном влиянии.

Интертекстуальный план «Игрока» хорошо изучен и включает в себя прямые и косвенные аллюзии на влиятельные тексты русской («Дубровский» и «Пиковая дама» Пушкина, «Дворянское гнездо» Тургенева) и европейских литератур («Манон Леско» аббата Прево, «Отец Горио» и «Шагреневая кожа» Бальзака, «Дама с камелиями» Дюма-сына, очерки У.М. Теккерея и др.)⁵⁰. При внимательном рассмотрении всего комплекса литературных претекстов хорошо заметны два наиболее полигенетичных сюжетных узла — рабская любовь (как вариант — в треугольнике) героя к роковой женщине, осложненная добычей для нее денег, и остродраматическая ситуация азартной игры, в которую вовлечен герой в своем амбициозном стремлении выбиться в люди. К ним примыкает более локальный микросюжет о богатой старухе, родственники которой ожидают ее смерти ради получения наследства.

В отличие от всех выявленных (и частично уже упомянутых) донные претекстов «Игрока», только *ВОЛ* содержит одновременно две из трех сюжетных ситуаций (без азартной игры⁵¹), что делает его наиболее сильным из всех синхронных русскоязычных произведений, повлиявших на оформление сюжетной канвы романа Достоевского. Рассмотрим эти параллели подробнее.

Хотя протагонисты *ВОЛ* (Полина) и «Игрока» (Алексей Иваныч) гендерно не эквивалентны, структурно они находятся в похожих жизненных ситуациях. Оба — бедные дворяне, которые вынуждены унижаться и служить богатым работодателям/благодетелям, чтобы содержать себя. Кандидат университета Алексей Иваныч — нуждающийся в деньгах и пробующий себя на рулетке учитель детей генерала; Полина Абарова — выпускница пансиона, которой предлагают место гувернантки, чтобы обеспечить ей хотя бы какой-то доход. Оба героя заражены тщеславием и амбицией, толкающими их на сверхрациональное подавление естественных чувств, сделки с совестью и, по сути, продажу своего истинного «Я». Алексей Иваныч, как отмечают многие исследователи, предает свою страстную любовь к Полине в угоду страсти к игре⁵², кутит в Париже с куртизанкой *Blanche*, а затем, запутавшись в долгах, попадает в тюрьму и влачит жалкое существование. Полина Абарова сознательно заводит интригу с князем Десятовым, чтобы заполучить положение в обществе и насолить влюбленной в него Алексинской. К финалу романа мы видим полное перерождение Абаровой в циничную петербургскую даму, проданную Жаном замуж за чиновника Гусева.

50 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 5. СПб.: Наука, 2017. С. 565–570. См. также: Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 233–364. Отметим, что некоторые из предложенных С.А. Кибальником претекстов кажутся нам надуманными, основанными на субъективных читательских ощущениях и размывающими грань между генетическим источником и топосом (например, «Дворянское гнездо»).

51 Игра в *ВОЛ* на самом деле тоже фигурирует, но это всего лишь регулярные карточные партии у княгини Десятовой со ставками на деньги. Приравнять их к игре на рулетке было бы большой натяжкой.

52 См.: Аполонио К. Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. С. 99–105.

Существенное сходство просматривается и в характерах обеих Полины у Хвоцинской и Достоевского. Начиная с исследования А. Бема считается, что имя Полина в «Игроке» носит автобиографический характер и отсылает к роману Достоевского с Аполлинарией Сусловой⁵³. Однако исследователи справедливо указывали и на литературные прообразы — героинь с именем Полина из пушкинского «Рославлева» и бальзаковской «Шагреновой кожи»⁵⁴, поскольку биографическая канва романа Достоевского и Сусловой в романе существенно смещена. К этому списку теперь необходимо добавить и Полину из *ВОЛ*. Прежде всего, в самих романах раскрывается, что Полина — лишь франкофонный вариант реальных русских имен: у Хвоцинской имени Павла⁵⁵, а у Достоевского — Прасковья (так называет ее бабушка). Во-вторых, обе героини происходят из обедневших семей: отец Полины из *ВОЛ* пропил все имущество жены и дочери, а Полина в «Игроке» может надеяться лишь на наследство бабушки, так как ее отчим генерал прожил все состояние. Вследствие этого героини занимают в своем кругу подчиненное положение⁵⁶ и вынуждены полагаться только на себя и на влюбленных в них мужчин: Полина у Хвоцинской — на Пехлецова и Жана, а Полина у Достоевского — на Алексея Иваныча, Де-Грие (в начале романа она ждет от него предложения) и мистера Астлея.

В этой связи мучительные и таинственные отношения между Полиной и Де-Грие, замешанные на больших деньгах, могли быть подсказаны Достоевскому как раз коллизией романа Хвоцинской. В *ВОЛ* мы наблюдаем сходную ситуацию расставания героев из-за наследства: не получив от бабушки имение Бубново, князь Жан оставляет Полину. Вслед за неполучением наследства в обоих романах следует сцена «торга»: Жан, прежде чем уехать, пытается сделать Полину своей любовницей, дав ей приданое в пять тысяч на брак с Гусевым; у Достоевского Де-Грие ретируется, а Алексей Иваныч отдает Полине выигранные на рулетке деньги, чтобы спасти ее, на что героиня, в отличие от Абаровской у Хвоцинской, не соглашается.

Ненависть Полины Достоевского к деньгам, однако, проявляется лишь в финале — до этого она буквально требует от Алексея Ивановича выиграть для нее как можно больше, чтобы она могла стать желанной невестой для Де-Грие. Влюбленный в нее рассказчик соглашается, замечая при этом, что ему «некогда было раздумывать, для чего и как скоро надо выиграть и какие новые соображения родились в этой вечно рассчитывающей голове»⁵⁷. Подобная расчетливость — характерная черта Полины в *ВОЛ*: «Полина не рассчитывала; или вернее, она была слишком молода, и сама не понимала, что рассчитывает: расчет был в ней бессознательно, он был в ее натуре...»⁵⁸ Обе героини предстают гордыми, в известной степени эгоистичными и склонными к поиску личной выгоды, для получения которой они готовы использовать других людей. В тексте Дос-

53 Бем А.Л. «Игрок» Достоевского (В свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Кн. 24. С. 381.

54 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 35 т. Т. 5. С. 565, 594. Наиболее полный комментарий к имени см.: Тихомиров Б. Комментарии // Достоевский Ф.М. Записки из подполья. Игрок. Роман / Комментар. и послесл. Б. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2011. С. 419–420.

55 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. № 14. С. 343.

56 Отметим палиндромирование слова «раба» в фамилии Абарова.

57 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Т. 5. С. 240.

58 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. № 15. С. 409.

тоевского неоднократно подчеркивается, что ради Полины герой исполнит любой ее каприз, осознавая при этом, что она все равно будет считать его кем-то «вроде раба»⁵⁹. Коварство обеих героинь выражается и в очень схожем портретном сравнении: «глаза — настоящие кошачьи»⁶⁰ у Полины Достоевского напоминают «кошачью ужимку»⁶¹ героини Хвоцинской, тут же совмещенную в тексте с ее «лукавым взглядом»⁶². В дополнение к этому в образе героини Достоевского могло отразиться описание якобы фальшивой прически Абаровы. Ср.:

— Я не ношу накладных волос, отвечала равнодушно Полина⁶³.
...это у тебя не накладка в волосах-то? — Нет, бабушка, свои⁶⁴.

Наконец, важно отметить психологическую глубину и противоречивость в репрезентации центральных женских образов у Хвоцинской и Достоевского. В обоих случаях их страсть к богатству и подчеркиваемая нарраторами неестественность поведения в какой-то момент сменяются выражением подлинного чувства: Полина Хвоцинской в самом конце отчаянно признается Жану, что любит его, и с очевидным усилием смиряется с предстоящим браком с Гусевым. Мистер Астлей у Достоевского во время своей последней встречи с главным героем упоминает, что Полина действительно любила Алексея Ивановича.

Второй сюжетной ситуацией, безусловно роднящей «Игрока» с *ВОЛ*, является ожидание наследства от «умирающей» бабушки. У Хвоцинской это частично отражено в заглавии, а в романе Достоевского задается в виде почти той же формулы в реплике главного героя: «Итак, здесь все в ожидании?»⁶⁵ Благоговение перед бабушкой, которое выказывают ей окружающие, и своеобразие героинь, не желающих просто так оставлять свой капитал ближайшим родственникам, — лейтмотив обоих текстов. Тарасевичева в «Игроке» беспрестанно повторяет, что денег своему племяннику-генералу она не даст, а «крепкоживучая» Десятова долго размышляет над тем, оставить ли Жану Бубново, чего в итоге также не делает⁶⁶.

Будучи единственными состоятельными героинями романов, Десятова и Тарасевичева неизменно рождают у всех чувство зависти, а порой и ненависти, которая в какой-то момент переходит в открытую надежду окружающих на их скорейшую смерть:

(*ВОЛ*) Князь воспользовался позволением и уехал до жара. Его последняя мысль при прощании была: «Уберется же когда-нибудь старая!»⁶⁷

(«Игрок») О, я понимаю, почему все они так теперь интересуются бабуленькой!
— О ком? — спросил мистер Астлей.
— О той старой ведьме в Москве, которая не умирает и о которой ждут телеграммы, что она умрет⁶⁸.

59 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 35 т. Т. 5. С. 245.

60 Там же. С. 260.

61 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. № 15. С. 446.

62 Там же.

63 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. № 17. С. 94.

64 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 35 т. Т. 5. С. 285.

65 Там же. С. 237.

66 Крестовский В. В ожидании лучшего // Русский вестник. 1860. № 17. С. 177.

67 Там же. С. 172.

68 Там же. С. 277.

На милость или смерть бабушки у Хвоцинской надеется и младший внук Вася, несколько раз за глаза проклинаящий ее скупость и сокрушающийся, что имение «уплывает из рук»⁶⁹.

Хотя в *ВОЛ* нет мотива азартной игры, которой предается Тарасевичева в «Игроке», ее властность, повелительный тон, богатство и своенравие разительно напоминают те же качества княгини Десятовой, а ее «знаменитый этаблисман» — возвышение, на котором «стояло кресло с подушкой»⁷⁰, — могли подсказать Достоевскому кресла, в которых слуги носят неходячую Тарасевичеву.

Таким образом, эти очевидные параллели позволяют нам ввести бабушку Хвоцинской в число непосредственных источников образа Антонины Васильевны Тарасевичевой в «Игроке». Отмеченные исследователями ранее «бабушки» — леди Кикльбюри из очерка Теккерей и Марфа Тимофеевна Пестова из «Дворянского гнезда»⁷¹ — прямо бабушками в текстах не именуются и таковыми не являются. К тому же в названных текстах отсутствует ключевая для «Игрока» сюжетная ситуация ожидания наследства «умирающей» бабушки, поэтому они могут рассматриваться лишь как явно маргинальные источники с минимальным сходством. Непосредственным претекстом в этом отношении, по нашему мнению, следует считать роман Хвоцинской. Хотя бабушка в нем не играет в рулетку, все остальные сюжетные параметры и характерные черты персонажа воспроизводятся потом в романе Достоевского. Примечательно и то, что жанровая модель адюльтерного романа, сюжетообразующая у Хвоцинской, оказывается совершенно не востребованной у автора «Игрока», который примыкает к линии романа об амбиции.

* * *

Проанализированные нами тематические, сюжетные и текстуальные пересечения между *ВОЛ* и двумя романами Достоевского, подкрепленные биографическими фактами личного знакомства авторов, позволяют обоснованно говорить как минимум о прямом генетическом воздействии романа писательницы на творческое воображение автора «Игрока» в первой половине 1860-х годов. Насколько нам известно, пока это первый не просто выявленный, но и подкрепленный аргументами факт для творчества Хвоцинской, однако можно предполагать, что в дальнейшем исследователям удастся обнаружить и другие взаимовлияния между ее творчеством и прозой ведущих авторов 1850–70-х годов⁷². Это необходимо для возвращения Хвоцинской того истинного места в истории русской литературы, которое принадлежит ей по праву. По нашему мнению, такие, на первый взгляд, традиционалистские методы, как поиск сюжетных источников и параллелей, интертекстуальный анализ или жанровая критика, могут быть в высшей степени уместны и полезны для решения подобных задач, поскольку помогают выявлять эстетическую силу и влияние

69 Там же. № 16. С. 637; № 17. С. 86.

70 Там же. № 16. С. 642.

71 *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 35 т. Т. 5. С. 569, 571.

72 Для творчества Тургенева такие работы уже давно существуют. См., например: *Costlow J.T.* Speaking the Sorrow of Women: Turgenev's «Neschastnaia» and Evgenia Tur's «Antonina» // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 2. P. 328–335.

женских текстов, вписывая их в цепочки филиаций однотипных сюжетов и тем самым канонизируя их как бы изнутри самой литературы. В результате мы получим гораздо более объективную картину литературной эволюции. В случае Хвоцинской это должно привести к пересмотру упрощенного понимания ее места в истории русского романа⁷³, а для творчества канонических авторов типа Достоевского — к более сбалансированному и историзированному представлению о литературных источниках и контекстах их сюжетов и персонажей.

Библиография / References

- Аполлоньо К.* Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020.
(*Apollonio C.* Dostoevsky's Secrets: Reading against the Grain. Saint Petersburg, 2020 — In Russ.)
- Бем А.Л.* «Игрок» Достоевского (В свете новых биографических данных) // Современные записки. 1925. Кн. 24. С. 379–392.
(*Bem A.L.* «Igrok» Dostoevskogo: (V svete novykh biograficheskikh dannyykh) // *Sovremennye zapiski*. 1925. № 24. P. 379–392.)
- Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005.
(Библиотека Ф.М. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktсии. Nauchnoe opisaniye. Saint Petersburg, 2005.)
- Кибальник С.А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: ИД «Петрополис», 2013.
(*Kibal'nik S.A.* Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo. Saint Petersburg, 2013.)
- Плашинова А.В.* «Жалкие заблуждения женщин»: эмансипационные сюжеты в русских адультерных повестях 1830–50-х годов // Новое литературное обозрение. 2023. № 181 (3). С. 245–257.
(*Plashinova A.V.* «Zhalkie zabluzhdeniya zhenshchin»: emansipatsionnyye syuzhety v russkikh adyul'ternykh povestyakh 1830–50-kh godov // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023. № 181 (3). P. 245–257.)
- Погребная В.Л.* Мир русского женского романа (1860–1880 гг.). Запорожье: Запорожский национальный университет, 2006.
(*Pogrebnyaya V.L.* Mir russkogo zhenskogo romana (1860–1880 gg.). Zaporozhye, 2006.)
- Погребная В.Л.* Проблемы женской эмансипации в романе Н.Д. Хвоцинской «Встреча» // Культура народов Причерноморья. 2005. № 69. С. 57–60.
(*Pogrebnyaya V.L.* Problemy zhenskoy emansipatsii v romane N.D. Khvoshchinskoy «Vstrecha» // *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2005. № 69. P. 57–60.)
- Пономарева А.А.* Возможный прототип эмансипированной героини в литературе середины XIX века (роман Н.Д. Хвоцинской «Встреча») // Текст и контекст: литературно-культурные связи. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2021. С. 172–185.
(*Ponomareva A.A.* Vozmozhnyy prototip emansipirovannoy geroini v literature serediny XIX veka (roman N.D. Khvoshchinskoy «Vstrecha») // *Tekst i kontekst: literaturno-kul'turnye svyazi*. Novosibirsk, 2021. P. 172–185.)
- Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

---

73 Ср., например, позицию А.И. Тыминского: «Писательнице, в силу известной ограниченности ее творческих возможностей, не удалось, в отличие от ее выдающихся современников Тургенева, Толстого, Достоевского, создать принципиально новую, оригинальную романную структуру. Ее романное творчество, не закладывая начал новой традиции, развивалось в русле тургеневско-гончаровской школы, о чем неоднократно писала дореволюционная критика» (*Тыминский А.И.* Указ. соч. С. 189). Наше исследование опровергает такой взгляд и намечает иной путь.

- (*Reytblat A.I.* Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury. Moscow, 2009.)
- Рогов А.А., Абрамов Р.В., Д.Д. Бучнева Д.Д. и др. Проблема атрибуции в журналах «Время», «Эпоха» и еженедельнике «Гражданин». Петрозаводск: Издательство «Острова», 2021.
- (*Rogov A.A., Abramov R.V., Buchneva D.D. i dr.* Problema atributsii v zhurnalakh «Vremya», «Epokha» i ezhenedel'nikе «Grazhdanin». Petrozavodsk, 2021.)
- Розенхольм А. «Свое» и «чужое» в концепции «образованная женщина» и «Пансионерка» Н.Д. Хвоцинской // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia 4* / Под ред. Р. Лейбова. Тарту: University of Tartu Press, 1995. С. 143–166.
- (*Rozenkhol'm A.* «Svoe» i «chuzhoe» v kontseptsii «obrazovannaya zhenshchina» i «Pansionerka» N.D. Khvoshchinskoy // «Svoe» i «chuzhoe» v literature i kul'ture: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia 4* / Ed. by R. Leybov. Tartu, 1995. P. 143–166.)
- Строганова Е.Н. Портрет писательницы в некрологе: отклики на смерть Н.Д. Хвоцинской // Строганова Е.Н. Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019. С. 63–76.
- (*Stroganova E.N.* Portret pisatel'nitsy v nekrologe: otkliki na smert' N.D. Khvoshchinskoy // Stroganova E.N. Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoy literatury XIX veka. Moscow, 2019. P. 63–76.)
- Строганова Е.Н. Ф.М. Достоевский и Н.Д. Хвоцинская // Ф.М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25–29 августа 2009 г. / Сост. В.А. Викторovich. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 152–154.
- (*Stroganova E.N.* F.M. Dostoevskiy i N.D. Khvoshchinskaya // F.M. Dostoevskiy v dialogue kul'tur. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 25–29 avgusta 2009 g. Kolomna, 2009. P. 152–154.)
- Строганова Е.Н. Неопубликованные стихотворения Н.Д. Хвоцинской из альбома семьи Алябьевых // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 3. С. 320–345.
- (*Stroganova E.N.* Neopublikovannye stikhotvoreniya N.D. Khvoshchinskoy iz al'boma sem'i Alyab'evykh // Shagi/Steps. 2024. Vol. 10. № 3. P. 320–345.)
- Тиме Г.А. Ге Иван Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 534.
- (*Time G.A.* Ge Ivan Nikolaevich // *Russkie pisateli. 1800-1917. Biograficheskiy slovar'* / Ed. by P.A. Nikolaev. Vol. 1. Moscow, 1989. P. 534.)
- Тихомиров Б. Комментарий // Достоевский Ф.М. Записки из подполья. Игрок. Роман / Комментар. и послесл. Б. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2011.
- (*Tikhomirov B.* Kommentarii // *Dostoevskiy F.M. Zapiski iz podpol'ya. Igrok. Roman* / Ed. by B. Tikhomirov. Saint Petersburg, 2011.)
- Тьминский А.И. Поэтика прозы Н.Д. Хвоцинской: дис. ... кандидата филологических наук. М.: Московский педагогический университет, 1997.
- (*Tyminskiy A.I.* Poetika prozy N.D. Khvoshchinskoy: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 1997.)
- Хогенбом Х. Переопределяя смысл жизни: история русской литературы XIX века и женщины-писательницы // Новое литературное обозрение. 2024. № 186. С. 61–71.
- (*Hoogenboom H.* Pereopredelyaya smysl zhizni: istoriya russkoy literatury XIX veka i zhenshchiny-pisatel'nitsy // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2024. № 186. P. 61–71.)
- Costlow J.T. Speaking the Sorrow of Women: Turgenyev's «Neschastnaia» and Evgenia Tur's «Antonina» // *Slavic Review.* 1991. Vol. 50. № 2. P. 328–335.
- Gheith J. Finding the Middle Ground: Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women's Prose. Evanston: Northwestern University Press, 2004.
- Fludernik M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness. London; New York: Routledge, 1993.
- Hoogenboom H. «Я раб действительности»: Nadezhda Khvoshchinskaya, Realism, and the Detail // *Vieldeutiges Nicht-zu-ende-sprechen: Thesen und Momentaufnahmen aus der Geschichte russischer Dichterinnen* / Ed. by A. Rosenholm, F.K. Göpfert. Frauen Literatur Geschichte 16. Fichtenwalde: Verlag F.K. Göpfert, 2002. P. 129–147.
- Overton B. Fictions of Female Adultery, 1684–1890. Theories and Circumtexts. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002.
- Rosenholm A. The «Woman Question» of the 1860s and the Ambiguity of the «Learned Woman» // *Gender and Russian Literature. New Perspectives* / Ed. by Rosalind Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 112–128.